

Шелгунова Людмила Петровна

Сердобольная

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л93

Л93 **Людмила Петровна Ш.**
Сердобольная / Шелгунова Людмила Петровна – М.: Книга по Требованию,
2026. – 32 с.

ISBN 978-5-521-30930-6

ISBN 978-5-521-30930-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— И оттуда прислалъ письмо съ Васькой...

— Неправда!—увѣренно сказалъ Шибановъ:—ты знаешь, какой князь былъ хорошій человекъ? Ну, можетъ-ли это быть, чтобы онъ послалъ на вѣрную смерть своего любимого и вѣрнаго слугу?...

— Ну, ужъ я не знаю какъ, а письмо было прислано и его читали царю, а царь готовъ былъ Васку разорвать. Тяжело ему, бѣдному, теперь въ темницѣ!..

Всѣ трое замолчали. Короткій, зимній день клонился къ вечеру и комнатка освѣщалась только лампадками, горѣвшими передъ иконами.

— Вамъ нечего ждать, когда васъ заберутъ,—тихо продолжалъ стрѣлецъ:—уѣзжайте скорѣе! Лавку твою знаютъ... Долго-ли до грѣха?.. Ириша, уговаривай мужа, добрый совѣтъ даю!

Въ сосѣдней комнатѣ заплакалъ ребенокъ и молодая мать ушла къ нему.

— Мнѣ пора. Коли что узнаю, прибѣгу. Не медли, говорю тебѣ! Опоздаешь—хуже будетъ!

Б ѣ г с т в о .

По уходѣ Ѳедора, Шибановъ долго сидѣлъ, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки. Ребенокъ замолкъ; молодая мать, войдя въ комнату, сѣла по другую сторону стола и, тронувъ мужа за руку, проговорила:

— Ну, Петя, давай потолкуемъ!

Петръ поднялъ голову и голубые глаза его съ такою тоскою посмотрѣли на жену, что та бросилась къ нему и обняла его.

— Теперь тосковать некогда, Петръ!— тихо, но спокойно продолжала Ирина:— неужели тебѣ жаль, что у тебя не будетъ денегъ?

— Да развѣ я о себѣ жалѣю? Я не прихотливъ, сама знаешь... А мнѣ жаль, что ты въ бѣдность попадешь. Легко-ли тебѣ будетъ?

— А ты думаешь, мнѣ легче будетъ, какъ тебя засадятъ да замучаютъ до смерти? Легче! И ты думаешь, что мы съ Ваней будемъ богаче послѣ этого?—съ жаромъ, но не громко говорила жена:—Только бы намъ уйти, въ чемъ есть, да скорѣе! Теперь я ни минуты не буду покойна. Но какъ уйти? О, Господи! какъ бѣжать?

— Вотъ ужъ это такъ не трудно,—отвѣчалъ мужъ:— я на этой недѣлѣ хотѣлъ ѣхать за товаромъ и поѣду, только не одинъ, а съ тобою.

— Только бы скорѣй!.. скорѣй!..

— Укладывайся! Лавку оставлю на приказчика, какъ бывало и прежде. Но только, Ириша, жить намъ будетъ трудно.

— Будемъ крестьянами, я работы не боюсь; а на покупку земли да скота денегъ у насъ достанетъ.

— Съ доброй женой нигдѣ не пропадешь. А слугамъ своимъ мы скажемъ, что я ѣду за товаромъ, а ты съ ребенкомъ по пути заѣдешь помолиться въ монастырь.

Ириша въ этотъ вечеръ спать не легла, а вынесла въ комнату сундукъ и, выбравъ изъ него тряпье, стала укладывать только богатые вещи, мѣха и изъ одежды все, что было поцѣннѣе.

Судьба покровительствовала Шибановымъ и на другой день Петръ выгодно продалъ свою лавку, сказавъ, что уѣзжаетъ въ Казань, не такъ давно покоренную царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Это никому не показалось страннымъ, потому что многіе изъ торговыхъ людей стали собираться въ Казань, чтобы начать тамъ торговлю.

Вернувшись домой къ вечеру, Петръ засталъ уже все уложеннымъ и Иришу совершенно готовою къ отъѣзду.

— Вѣдь завтра намъ нельзя еще выѣхать, надо обмѣнять деньги; да къ тому мы не рѣшили еще, куда намъ ѣхать.

— Я поѣхала бы куда-нибудь за Тулу или за Воронежъ.

— Оно все равно, только бы выѣхать изъ Москвы, а тамъ вѣдь можно и переѣхать.

Утромъ мужъ опять ушелъ и Ирина въ страхѣ и тревогѣ провела весь день. Въ сумеркахъ онъ возвратился, а вслѣдъ за нимъ пришелъ Ѳеодоръ. При видѣ его и у мужа и у жены екнуло сердце.

— Вѣрно съ дурными вѣстями?—прошептала Ириша.

— Съ дурными,—отвѣчалъ Ѳеодоръ:—завтра приказано обшарить весь дворъ вашего князя, всю оставшуюся челядь засадить, а все добро перевезти въ палаты царскія. Такъ какъ князь бѣжалъ не изъ Москвы, то царь думаетъ, что въ хоромахъ онъ оставилъ много добра. Какъ будутъ забирать челядь, не мудрено вспомнить и о братѣ Василия.

— Не мудрено...—проговорилъ Петръ.

По уходѣ Ѳеодора, Петръ рѣшительно сказалъ:

— Вижу, что всего не заберешь, и надо ѣхать съ тѣмъ, что есть.

Онъ вмѣстѣ съ работникомъ подвезъ сани къ крыльцу и сталъ выносить сундуки, мѣшки, корзины и постели; закрывъ все рогожею, увязалъ веревкою и пошелъ въ горницу. Они рѣшили выѣхать передъ свѣтомъ, чтобы ихъ не задержали въ городскихъ воротахъ.

Ирина сидѣла на лавкѣ, а ребенокъ спалъ въ люлькѣ. Крестикъ съ люльки былъ уже снятъ и уложенъ. Часовъ въ пять вывели пару лошадей, запрягли, а одѣтую въ шубу, съ ребенкомъ на рукахъ, Ирину подняли на возъ и посадили, хорошенько закутавъ. Старая няня и вся прислуга горько плакали, хотя хозяева продолжали увѣрять, что скоро вернутся.

— Чуетъ мое сердце, что не вернетесь!—говорила няня, крестя отъѣзжавшихъ дорогихъ хозяевъ.

Ворота со скрипомъ отворились и Шибановы поѣхали по Бѣлому городу, называвшемуся такъ потому, что онъ

былъ окруженъ бѣлою стѣною. Ворота въ бѣлой стѣнѣ были уже отворены и они проѣхали въ Земляной городъ. Изъ Земляного города они проѣхали къ монастырямъ, но только когда миновали послѣднюю пригородную избушку, Петръ оставилъ лошадей и, вставъ съ саней, сталъ молиться на алѣвшій востокъ. Ирина, сидя на саняхъ, тоже молилась.

Итакъ, Шибановы благополучно бѣжали изъ Москвы.

Сельцо Береговое.

Лошади уже два раза отдыхали, но послѣдній постоянный дворъ такъ не полюбился Шибановымъ, что они, несмотря на наступающій вечеръ, отправились далѣе, тѣмъ болѣе, что взошедшая на небѣ луна освѣщала имъ путь. Но не проѣхали они и двухъ часовъ, какъ луна затянулась тучами и пошелъ снѣгъ, сначала мелкій, а затѣмъ все крупнѣе и крупнѣе. Началась настоящая пурга и лошади отъ усталости безпрестанно останавливались.

— Не замело бы насъ!—проговорила Ирина.

— Ну, вотъ еще!—твердо отвѣчалъ Петръ, но въ душѣ у него давно было тревожно и онъ боялся погибнуть.

Такъ бились они еще часа три и, наконецъ, лошади совсѣмъ стали и не трогались съ мѣста. Ребенокъ покричалъ и замолкъ.

— Неужели замерзъ?—съ ужасомъ подумала мать.

Вдругъ, вмѣстѣ съ завываніемъ вѣтра, послышался лай собакъ.

— Милые! гдѣ-то лаютъ...—закричала Ирина.

Петръ схватилъ лошадей подъ узцы и побѣжалъ: лошади, должно быть, тоже почуяли жильё, потому что пошли крупнымъ шагомъ. Лай слышался все ближе и ближе и путники увидѣли жильё: въ окнѣ довольно большой избы мелькнулъ свѣтъ.

Шибановы во второй разъ этотъ день поблагодарили Бога за спасеніе своей жизни.

— Пустите, ради Бога!—молилъ Петръ отворившаго ему калитку молодого священника:—у меня здѣсь жена съ ребенкомъ... Мы замерзнемъ.

Священникъ, отецъ Даниль, и работникъ его отворили ворота. Петръ подвелъ лошадей къ крыльцу и самъ снялъ Ирину съ ребенкомъ. Пока онъ выпрягалъ лошадей, отецъ Даниль ввелъ Ирину въ переднюю избу и посадилъ на лавку. Ирина прежде всего посмотрѣла, живъ-ли ребенокъ. Да, онъ былъ живъ и спалъ. Ирина узнала, что у батюшки жена очень больна и не встаетъ съ постели.

— Сведи меня къ ней, я, можетъ быть, помогу ей чѣмъ-нибудь,—сказала Ирина.

Она взяла съ собою ребенка и пошла за священникомъ. Во второй комнатѣ, едва освѣщенной, лежала у стѣны на

постели молодая женщина, а подлѣ въ люлькѣ пищалъ ребенокъ. Онъ пищалъ тихо и жалобно, вовсе не такимъ голосомъ, какъ бывало кричалъ ея Ваня. Ирина Ивановна положила на лавку своего ребенка и взяла чужого.

— Онъ голодень,—проговорила больная:—я уже цѣлую недѣлю не могу кормить его.

Ирина развернула бѣднаго голоднаго младенца и приложила его къ своей груди. Мальчикъ отъ слабости едва могъ сосать, но все-таки насытился и заснулъ.

— Добрая ты женщина!—сказала больная:—какъ тебя благодарить?

— Не надо меня благодарить. Мальчикъ успокоился и этимъ поблагодарилъ меня,—отвѣчала Ирина.

Несмотря на усталость, Ирина до половины ночи провозилась съ больною: растирала, успокаивала ее и ходила за ребенкомъ. Но этимъ добрымъ дѣломъ она случайно приобрѣла себѣ врага. Поутру въ избу къ старшей работницѣ отца Даниила пришла дьячкова жена и стала спрашивать о здоровьѣ „матушки“.

— Напрасно тутъ толкаешься,—сердито отвѣчала ей Аграфена:—ты только языкомъ болтаешь, а ты бы посмотриѣла, какъ Ирина Ивановна въ одну ночь насъ всѣхъ управила.

— Это еще что за Ирина Ивановна?—вскипѣлась дьячиха. И вотъ, съ этой минуты у Шибановыхъ явился врагъ—злая, глупая баба. Дьячиха побѣждала къ дьячку и начала ему рассказывать, что къ отцу Даниилу откуда-то явились какіе-то незнакомые люди и что эти люди, навѣрно, будутъ подкапываться подъ нихъ. И вотъ, дьячекъ тоже сталъ злобно смотрѣть на незнакомыхъ ему пріѣзжихъ.

Шибановы на третій день стали собираться ѣхать дальше, но больная горько заплакала, а отецъ Данииль, кланяясь въ поясъ Петру, просилъ его повременить.

— Ты говоришь, тебѣ все равно куда ѣхать,—уговаривалъ его священникъ:—ну, такъ оставайся здѣсь!

— Близко отъ Москвы, батюшка!—отвѣчалъ Петръ.

— Хоть и близко, но въ сторонѣ отъ большой дороги. Глухо здѣсь, совсѣмъ глухо!—такъ глухо, что только двѣ крестьянскія семьи тутъ живутъ; а другіе побросали свои избы и переселились на большую дорогу. Вотъ рядомъ съ нами хорошій дворъ пустуетъ и я могу тебѣ его отдать.

Долго священникъ уговаривалъ Петра и такъ его успокоилъ насчетъ царскаго преслѣдованія, что Петръ не на шутку сталъ задумываться.

Ирина, между тѣмъ, отучивъ отъ груди своего сына, принялась кормить чужого и ходить за больною, помогая ей всѣмъ, чѣмъ могла.

— Колдовствомъ помогаетъ!—шипѣла дьячиха.

— Молитвами помогаетъ!—строго отвѣчала ей сидѣвшая уже попадья.

— Кто они такіе?—допытывался дьячекъ.

— Добрые и хорошіе люди,—отвѣчалъ отецъ Даниилъ.

— А какъ звать то?

— Петръ Алексѣевъ.

Священникъ посовѣтовалъ Петру не говорить своей фамиліи, на всякій случай, и между ними было рѣшено, что онъ останется Алексѣевымъ.

Сельцо Береговое находилось всего за 80 верстъ отъ Москвы и стояло на берегу небольшой рѣчки. Церковь въ немъ была крошечная и поселенцы, переселившіеся въ Береговое изъ сосѣдняго большого села, почему-то не взлюбили сельцо и мало-по-малу всѣ выселились, такъ что, кромѣ церкви съ причтомъ, осталось только двѣ семьи.

— Не въ Литву же уѣзжать!—раздумывали Шибановы.

Къ веснѣ были наняты плотники и по сосѣдству отъ церкви выстроилась хорошая изба и поправлены были всѣ службы.

Матушка уже встала, но была слаба, а потому Ирина, переселившись даже къ себѣ въ избу, постоянно приходила кормить ребенка и растирала больную пощадью. Еще бабушка Ирины говорила, что растираньемъ можно вылечить всякій недугъ и Ирина всегда прибѣгала къ этому.

Н а с т я.

Прошло двѣнадцать лѣтъ съ того дня, какъ Шибановы бѣжали изъ Москвы, гдѣ все оставили на произволь судьбы. Что случилось съ ихъ домомъ, они не знали, но только надѣялись, что его занимаетъ кто-нибудь изъ ихъ прислуги. Со своимъ сосѣдомъ, отцомъ Данииломъ, они жили душа въ душу. Андрюша, вскормленный Ириною, выросъ хорошимъ мальчикомъ и жилъ въ дружбѣ съ Ваней и съ сестрой его Настей, которой минуло десять лѣтъ.

Настя, съ такими-же черными глазами, какъ у матери, была дѣвочкою вдумчивою. Хотя она бѣгала и рѣзвилась съ братьями, но, когда они втроемъ садились на берегъ удить рыбу, она всегда начинала разговоры недѣтскіе, и недѣтскіе разговоры она вела потому, что любила очень,

очень старенькаго странника, который заходилъ къ нимъ и иногда подолгу проживалъ у нихъ.

— Не хохочи такъ, Андрюша,—говорила она, сидя на травѣ съ мальчиками: — Ерема сказалъ мнѣ, что теперь грѣшно хохотать.

— Еще выдумай! Когда весело, такъ надо хохотать. Когда я сижу за книгой, такъ я и не хохочу, и когда я буду попомъ, такъ тоже не буду хохотать. А теперь-то отчего нельзя хохотать?

— Оттого, что вся Русь плачетъ. Ты послушаль-бы, какъ Ерема хорошо говорить объ опричникахъ.

— Это еще что за опричники?

— Это страшные люди. Они при царѣ и кто имъ не понравится, они сейчасъ саблею зарубягутъ.

— Страсти!—повторили мальчики.

Такіе разговоры велись между дѣтьми постоянно и Настя точно ни о чемъ другомъ и не думала.

Этотъ вопросъ, очевидно, такъ занималъ Настю, что черезъ два года, послѣ урока у отца Даніила, который училъ ихъ всѣхъ троихъ грамотѣ, дѣвочка собралась съ духомъ и спросила:

— Батюшка, скажи мнѣ, неужели и злодѣевъ надо любить?—самыхъ ужасныхъ злодѣевъ.

— Конечно.

— А я не могу,—печально отвѣтила Настя.

— Что ты, Настя! Да какихъ же ты можешь знать злодѣевъ?—со смѣхомъ спросилъ отецъ Даніилъ.

— А нашъ-то...—и тихо прибавила:—дьячекъ.

— Какой-же онъ злодѣй, Настя?

— Онъ злой. Знаешь, что онъ съ нами сдѣлалъ?

— А что?

— Я сама видѣла, какъ онъ загналъ поросенка въ нашъ огородъ и тотъ испортилъ всѣ почти огурцы. Ну, подумай только! И мама вѣдь плакала...

— Это онъ поступилъ не хорошо.

— Къ себѣ въ огородъ онъ поросенка не загонитъ, значитъ, онъ не любитъ своихъ ближнихъ. Зачѣмъ же я буду любить его? Дьячиха прямо говоритъ, что ненавидитъ насъ, и смѣется, что мама ходитъ къ больнымъ.

Дьячиха и за нею дьячекъ, въ самомъ дѣлѣ, ненавидѣли Шибановыхъ и дьячекъ, подозрѣвая, что почему-нибудь такіе, сравнительно, богатые люди живутъ въ глуши, и хотя работаютъ, но все-таки не живутъ какъ простые мужики,—непремѣнно хотѣлъ узнать, въ чемъ тутъ тайна.

Разговоръ Насти съ отцомъ Данииломъ не прошелъ даромъ и дьячку была сильно намылена голова за пущеннаго въ огородъ поросенка.

Дьячекъ выскочилъ отъ священника, какъ изъ бани, и, кипя злобою, побѣжалъ на рѣку, гдѣ видѣлъ Ваню съ удочкою.

— Ахъ, вы бродяги! — не помня себя, закричалъ онъ на мальчика:—пришли тутъ въ чужое мѣсто, да вздумали смущать отца Даниила!

— Что ты! что ты! что съ тобой?—проговорилъ мальчикъ, поднявъ голову съ бѣлокурыми вьющимися волосами и съ большими, кроткими, голубыми глазами.

— Ничего „что ты“!.. Вѣрно отцу-то твоему на мое мѣсто хочется, что вздумали выживать меня! Ахъ, вы бродяги! бѣглые вы, безъ роду, безъ племени...

Мальчикъ вскочилъ.

— Нѣтъ, мы не бродяги!...

— Что тутъ говорить!... Воры вы!... Сколько разъ я видалъ, какъ отецъ твой мѣнялъ деньги... настоящія, необрѣзанныя, ворованныя... Бродяги, безъ роду, безъ племени... и звать-то васъ не знаешь какъ.

— Не бродяги мы... а мы Шибановы!—виѣ себя закричалъ Ваня и заплакалъ, хотя заплакалъ онъ вовсе не оттого, что выдалъ отцовскую тайну, а отъ обиды.

— Такъ вы Шибановы?—прошипѣлъ дьячекъ.

А р е с т ъ.

Ирина Ивановна, вѣрная своему прозвищу Сердобольной, справивъ домашнюю работу, отправлялась обыкновенно по своимъ больнымъ. Попадью она считала свою первую больною, потому что, хотя она и не лежала, но постоянно прихварывала, и ей надо было то тамъ, то тутъ потереть, и больная нерѣдко говорила мужу своему:

— Пропали-бы мы безъ Ириши!

— Ужъ подлинно, что Самъ Богъ послалъ намъ этихъ людей,—отвѣчалъ отецъ Даніилъ.

Проходить ей всегда приходилось мимо избы дьячка; и въ этотъ день она шла обычнымъ путемъ и, завидѣвъ дьячиху, низко ей поклонилась.

— Не долго ужъ вамъ тутъ шляться да батюшкины пороги обивать!—проворчала дьячиха.

Ириша остановилась и съ изумленіемъ посмотрѣла на нее.

— Теперь вѣдь мы ужъ знаемъ, кто вы такіе! Шила въ мѣшкѣ не утаишь...

— Что мы тебѣ сдѣлали?—проговорила Ирина.

— Что же Сердобольная можетъ сдѣлать кромѣ добра?—насмѣшливо проговорила дьячиха и, хлопнувъ калиткою, ушла къ себѣ во дворъ.

У Ирины Ивановны ноги подкосились, а сердце заняло совершенно такъ, какъ оно ныло четырнадцать лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ, передъ ихъ бѣгствомъ. Она увидала передъ собою еще болѣе ужасный кровавый призракъ. Странникъ Ерема ежегодно ходилъ къ нимъ и рассказывалъ такіе ужасы!...

Прежде бояръ казнили за крамолу, а теперь опричники, подъ видомъ охраненія спокойствія царя, хватили направо и налѣво и людей казнили зря.

Придя домой, Ирина тяжело опустилась на лавку подлѣ Насти, что-то вышивавшей у небольшого окна.

— Что съ тобой, мама? На тебѣ лица нѣтъ,—сказала Настя.

— Боюсь, Настя!

— Да чего же намъ-то бояться, мама? Живемъ мы далеко, живемъ смирно, никого не обижаемъ...

— А все-таки я боюсь... Дьячиха что-то странное говорила мнѣ...

— Дьячекъ ужъ съ недѣлю, какъ въ Москвѣ.

Всю эту ночь Ирина глазъ не могла сомкнуть и страхъ свой передала своему добродушному мужу.

— Ничего мы не сдѣлали,—говорилъ онъ:—чего же намъ бояться?